



Негромкая песня любви

Сорок дней назад не стало журналистки, поэтессы и писательницы Надежды Алексеевны Синиченко (Лукашовой)

Хоронили Надежду в по-настоящему морозный январский день, когда над окрестными лесами Академгородка солнце пробивалось сквозь плотную дымку, лишь отдаленно напоминая морские зимние туманы её родного Мариуполя. Она, прожившая большую часть своей жизни здесь, однажды призналась мне: «Мне так не хватает в Сибири туманов!»

Несмотря на её чрезвычайную, иногда доходившую до абсурда скромность, её знали очень многие и любили. За почти сорок лет жизни в самом сердце Верхней зоны Академгородка она сдружилась со многими «коренниками», хотя никогда не набивалась в подружки, работала в журналах Сибирского отделения, пока окончательно не утвердилась в профессиональной литературе, но, видно уж, так прикипела к этому пяткачку микромира на улице Ильича, что и не помышляла себя в другом месте, и стала, по сути, ещё одной, весьма значительной черточкой в общем портрете культурной и духовной жизни этого уникального поселения, а также самого Новосибирска.

При жизни у неё была какая-то странно-ватая известность: все знали и ценили её высочайший профессионализм, её редакторское суждение бывало определяющим, но, если позволять так выразиться, она никогда не была тусовщицей, хотя писательские мероприятия посещала охотно. В чём-то Надя была диссонансной и преждем, советскому, и нынешнему показуно браваурному времени: барабанный бой, трубы и литавры — это явно не её музыка. Скорее флейта, или на чём там играли герои её любимой Леси Украинки? Она жила жизнью внешне совершенно обычного человека: хлопотала по хозяйству, летом беспокоилась о своей даче, с которой всё не могла расстаться, и, не смотря на нездоровье, очень много работала: и над собственными рукописями (до последнего дня!), и чужими, потому что работа давно превратилась в способ её существования, и, увы, даже писатель её профессионального уровня в сегодняшней России не сможет достойно существовать без дополнительного заработка.

В последние годы она хорошо издавалась, что ни год, то книга, и как тут доброе слово не сказать о её коллегах-издателях, которые подчас из уважения к ней собирали очередной сборник её стихов или прозы безо всякой надежды на выручку (хотя выручка всё-таки была, но в другом смысле).

Честно говоря, я не помню, по какому случаю однажды она прислала мне по электронке свою биографию, неизвестно для чего (кого) написанную...

«...Родилась 5 сентября 1941 года в украинском Приазовье. Мариуполь бомбили, через месяц в город вошли немцы и стояли в нем больше двух лет — так что начало моей жизни проходило по чужим погребам и подвалам — дом, где родители, молодые учителя, снимали квартиру, сгорел при первых же бомбежках. Как выжили, чем кормились — об этом страшно и подумать. Кто-то из соседей приносил стакан молока, кто-то горсть жмыха, что-то меняли из уцелевшего домашнего скарба...»

...В конце концов я закончила редакторский факультет Московского полиграфического института, но работать по специальности стала не сразу: я была беспартийной, и значит — не совсем подходила для идеологической работы. Так что, вернувшись домой, я сначала трудилась чертёжницей в конструкторском бюро крупнейшего на Украине завода «Тяжмаш», и лишь потом меня приняли в штат ежедневной городской газеты «При-

азовский рабочий». При редакции существовал литературный клуб «Азовье», и если журналистика дала мне трудно переоценимый жизненный и творческий опыт, то участие в деятельности клуба приучило меня дружелюбно и внимательно относиться к пишущей братии, помогать талантливым людям, не всегда удачливым и счастливым. Клуб отметил уже свое 85-летие, и я рада, что и сейчас у меня не прерываются с ним творческие связи, хотя судьба развела нас уже по разным государствам.

...Мои родители — Алексей Павлович и Александра Кузьминична Синиченко — учителя, и в нашем доме всегда был культ двух вещей: труда и знаний. Отец учился всю жизнь, несмотря на препоны, болезни. Пятый вузовский диплом он получил, когда ему шёл 51-й год. У него было несколько профессий, и в школе он мог преподавать не только свою любимую географию. Но все же география — это всегда было главное. Своё 70-летие он встречал в горах Алтая, куда давно стремился. Он исходил пешком весь юг Украины — и по необходимости, и из любопытства. Когда бывал с учениками в походах, брал с собой и меня, ещё совсем маленькую, — и ничего не оставалось вне поля его зрения, и обо всём он рассказывал: о каждой травинке, о каждой букашке. Сейчас, встречая где-нибудь среди ландшафтов Сибири знакомую былинку, я вспоминаю её название...

Тогда не говорили об экологии — не было такого слова, но любовь к природе, жалость ко всему живущему, растущему — вошли, кажется, в суть моей натуры. А мама — школьный математик — любит цветы и всегда растила их в крохотном садике у дома. И эта любовь у меня от неё. Не просто любоваться, но дать жизнь и сохранить её, спасти — так нас растили.

...По двум изданным и третьей рукописной книжке в 1994 году меня приняли в Союз писателей России. Потом увидели свет другие книжки: «Сказки о любви для взрослых женщин», «Чем сердце успокоится», «Сентябрем расцветенная жизнь», «Простые события на грешной земле» и, наконец, книжка этого года — «Черновики нового тысячелетия». Несколько повестей («Дни по Фрейду», «Никогда не помешает немножко большой любви», «Заколдованный четверг») публиковались в журналах «Проза Сибири» и «Новосибирск».

...Училась у Фолкнера не страшиться длинных и сложных фраз, когда нужно выразить сложное состояние героя. Училась у Стейнбека сочетать драматическое со смешным — иногда в одной фразе, писать подробно и точно и обыгрывать детали. У хемингуэевского «Праздника, который всегда с тобой» училась не стыдиться обращаться к опыту собственной жизни, а у Шервуда Андерсона — внимательно всматриваться в «странных» людей. И у всех у них, и ещё у многих столь же прекрасных мастеров прозы училась писать с подтекстом, с какой-то невысказанной тайной, чтоб и читателям захотелось неторопливо понять что-то неуловимое.

...Не могла начитаться Паустовского, боготворила Александра Грина — и сейчас ещё скорблю, что многие воспринимают его слишком поверхностно, что оценен он неверно, походя. Позже вошли в мою жизнь Набоков, булгаковская «Белая гвардия», проза Булата Окуджавы, которого я хотела бы назвать своим учителем, если бы имела на то право.

Все имена любимых писателей — мужские. А многие ли женщины смогли по-настоящему выговориться, проложить свой путь в литературе, подняться на высоты? Леся Украинка, Марина Цветаева... Они сумели преодолеть неблагоприятные общего женского удела и совсем уж трагические обстоятельства личной судьбы. Но это — гении...»

Несмотря на довольно широкий круг внешнего общения, Надя мало кого допускала к себе близко (во всяком случае, у меня на этот счёт сложилось именно такое

убеждение). Вот издана её новая повесть «Заколдованный четверг» в журнале «Новосибирск». Я предлагаю завезти ей попутно несколько экземпляров журнала, потому что у самого там опубликована подборка рассказов, и мне важно знать о них её мнение. Боже мой, как мне трудно её было уговорить, что заехать к ней для меня ничего не стоит! Или: посмотрев однажды её дачный участок, я предложил ей как следует на нём поработать, очистить от зарослей и кустов топором. Она отказалась изнотрез. Вышла в свет её последняя книга в издательстве НГТУ «Сны в долгие дожди...». Предлагаю ей помочь доставить тираж домой, но она неумолима, потому что снова не хочет, чтобы кто-то для неё что-то сделал просто так.

Но вот мы сидим и пьём чай в её уютной квартирке, в окна заглядывают берёзки, и она хвастается и одновременно жалуется, что некие подруги «внедрили» ей огромного кота. Кот, похожий на американского мейн-куна, настоящее чёрное страшилище. Я фотографирую её с ним, обсуждаем породу, она отмахивается: да какой там мейн-кун, обыкновенная дворянка!

Позже выясняется, что сердобольные подруги подобрали бездомного кота в лесу, он нездоров, ему необходимо лечение, к тому же у самой хозяйки на его шерсть аллергия, и чтобы не задохнуться, она вынуждена жить в любую погоду с открытой форточкой. Пытаюсь уговорить Надю усыпить животное, но она в ужасе: «Да ты что, он мне уже родной!». И в этом вся Надя...

Дважды я вполне «официально» брал у неё интервью. В первый раз где-то в начале 2000-х. «А по какому, собственно, поводу?» — спросила она меня. «Ты всё время пишешь о любви. Вот и поговорим, почему». Второй раз — в канун её 70-летия. Она очень тщательно работала с готовым текстом, и, видно, он ей понравился, потому что она включила его в последний сборник, как оказалось, в чём-то итоговый...

— Давай придумаем какой-нибудь юбилей, чтобы появился повод подвести предварительные итоги...

— Сколько ни придумавай, впереди юбилеев всё равно уже меньше, чем позади.

— Так что же там остаётся «на решете»?

— Не так и много, если взглянуть на полку с собственными книжками. Особенно по сравнению с теми тысячами книг, которые выпустила в свет как редактор.

— Когда читаешь твою прозу или — ещё лучше — стихи, не покидает яркое ощущение, что это создано, написано именно женщиной. Ты не видишь в этом никакой заданной ущербности: ну, мол, понятно, есть женские шахматы, почему бы и не быть женской литературе?

— Кстати, в юности я играла в шахматы и даже участвовала в турнирах. Но и там, как и в литературном творчестве, была лишена всякого честолюбия. Мне бывало жалко противника в критический момент. Однажды я позволила ему переходить, конечно, проиграла после этого и чуть не была бита моими болельщиками.

Так вот, возвращаясь к вопросу о женской литературе. А какая она должна быть, если автор — женщина? У меня женская судьба, женская душа — разве мой мир ущербней по сравнению с мужским миром? Разве он менее сложный и менее интересный? Мне хочется его описать, чтоб люди взгляделись, поняли... Ну да, мы ещё зажаты своими перегрузками, вечной ответственностью перед всеми и всем, у нас меньше видимых достижений. Я думаю, это со временем уйдёт. Когда-то на сцену не допускали женщин, за них в опере пели мужчины. Разве теперь оперные спектакли хуже, когда солистки поют своими голосами? Вот так будет и в литературе.

— На мой взгляд, ты всегда отличалась какой-то особой скромностью, хотя начинала как журналист. Ты робкий человек? Я понимаю, что это не одно и то же, но всё-таки: чего ты боишься больше всего?

— Это скорее застенчивость, чем робость. Работа в газете во многом помогла мне её преодолеть, но и теперь я остаюсь человеком не публичным, камерным. Творческому человеку обязательно надо иметь такую пружинку — желание показать себя, продемонстрировать свои возможности... Во мне, к сожалению, этого нет.

— А когда в жизни ты бывала отчаянно храброй?

— Этого как раз в моей жизни хватало. Боюсь высоты, но ходила в горы, не умею плавать, но пересекала в шлюпке своё родное Азовское море — и, конечно, захватил шторм, и, конечно, отказал мотор... Конфликтовала с начальством, отстаивая принципы, добивалась справедливости. Однажды в Горьком, в битком набитом зале, сплошь патриоты и государственники, я единственная при голосовании за поддержку войны в Приднестровье подняла руку против, что было внесено в протокол. А за войну проголосовали тогда остальные — человек 700—800.

— Большую часть жизни ты прожила в Академгородке, но, кажется, напрямую у тебя нет произведений, посвященных этому интереснейшему месту в России. Как ты это объяснишь?

— Природы Академгородка и его окрестностей у меня много, а вот конкретных людей, типажей — этого, правда, нет, за редким исключением. Хотя я пишу в основном о творческих людях, а наука — тоже дело творческое... но какое-то другое... запланированное, выверенное, я его не чувствую эмоционально. Вот художники, актёры — импульсивные, непредсказуемые... они мне ближе, роднее. Я их просто люблю.

— Судя по твоим книгам, ты хорошо знаешь, что такое любовь. А что это такое?

— А Бог его знает. Любовь.

— Ты часто влюблялась?

— Да, что было то было. И любила. И каждый раз — как на краю... не то земли... не то жизни...

— Что тебе больше всего не нравится в жизни?

— Жестокость. Вообще агрессия. И зависть. И ложь. Одним словом — жлобство.

В последние дни перед её уходом на всегда мы много говорили с ней по телефону об Украине. Она очень остро, болезненно даже воспринимала происходящее там. Мы далеко не всегда сходились с ней в суждениях, хотя я и себя причислял к неравнодушным. Почему-то она давно с уважением относилась к Ющенко, считая его единственным достойным и неопределённым президентом страны. Ругали, как водится, коррупцию и в Украине, и в России. Извинялась, когда закашливалась в трубку, делала глоток воды, но всё же старалась закончить мысль. Ещё она довольно настороженно относилась к нынешней официальной церкви: «Ой, не очень-то доверяю я им, с их мерседесами...». Но Бог всегда был в её душе, и этот Бог — прежде всего любовь.

Напоследок снова цитата из её автобиографии: «...Вдруг увидела, что творческие люди, как никогда, разобщены и одиноки. Кто-то ждёт лучших времен, кто-то не ждёт уже ничего. И мне захотелось быть вместе со всеми, объединиться с близкими мне по духу людьми в каком-то хорошем — красивом и нужном — деле. Так родилась в середине 90-х годов идея создать в Новосибирске особый центр — Дом Цветаевой, где могли бы найти применение своим способностям писатели, актёры, художники, музыканты, да просто любители и ценители русского поэтического слова. Слава Богу, Дом Цветаевой успешно существует все эти годы при Областной научной библиотеке, и я рада, что имела возможность внести свою лепту в его создание. И очень надеюсь, что это не последняя творческая страница в моей биографии...»